

Материалы Международной научной конференции, посв. памяти профессора В. М. Никитевича. — Гродно, 2004. — С. 19-28.

4. Болотнова Н. С. К вопросу о функциональном анализе глаголов в минимальном контексте (на материале слов, обозначающих внешнюю и внутреннюю речь в произведениях Ю. М. Нагибина) // Проблемы глагольной семантики. — Свердловск, 1984. — С. 85-94.

5. Болотнова Н. С. Функционирование глаголов говорения в конструкциях с прямой речью (на материале произведений Ю. М. Нагибина) // Классы глаголов в функциональном аспекте. — Свердловск, 1986. — С. 53-60.

6. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. — М.: Высшая школа, 1981. — 184 с.

7. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Гак В. Г. Языковые преобразования. — М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. — С. 272-309.

8. Крылова И. А. Семантико-стилистическая характеристика ЛСГ глаголов речи: 10.02.01 — русский язык / Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. — Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — М., 1996. — 21 с.

9. Соколов О. М. Методические рекомендации к изучению курса "Проблемы лексики и семантики русского языка как иностранного". Раздел "Семантическая структура слова в русском языке". — М.: Изд-во УДН, 1989. — 52 с.

10. Соколов О. М. Типы актантной распределенности семантики русского глагола // Вопросы глагольной семантики. Памяти профессора О. М. Соколова. — Симферополь, 1993. — С. 6-18.

11. Степанова Г. В. Лексико-семантическая группа глаголов речи в современном русском языке: 10.02.01 — русский язык / Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. — Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — М., 1970. — 18 с.

12. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 496 с.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2004 г.

УДК: 821. 161. 1 — "16" + 291. 37

О. В. Пуреховская

**ЛИТЕРАТУРНО-РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ "СПОР О
ПРЕСУЩЕСТВЛЕНИИ" 2-Й ПОЛОВИНЫ XVII СТОЛЕТИЯ В
ПРОЗАИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО**

В статье предпринята попытка нового — комплексного осмысления литературно-религиозно-философской проблемы Пресуществления, актуальной во 2-й половине XVII столетия.

Автора интересует взгляд Симеона Полоцкого, известного писателя и общественно — религиозного деятеля указанного периода. Поэтому вопрос рассматривается в контексте прозаического наследия иеромонаха Симеона.

В рамках исследования внимание обращено также на выявление характерных для эпохи литературного барокко типов Просвещения.

Актуальность статьи заключается в переосмыслении воззрений на проблему, воссоздании не только имен, связанных с данным вопросом, но и известных произведений, посвященных обозначенной теме.

Научная новизна исследования состоит в указании роли Симеона Полоцкого и места его полемических сочинений в сопоставлении с вкладом его современников.

Цель настоящего сочинения — проанализировать прозаические тексты Симеона Полоцкого, хранящие сведения о Споре, в ключе полемики “грекофилов” и “латинствующих”.

Теоретической основой статьи следует считать опыт комплексного исторического исследования проблемы, “осуществленного” в XIX столетии Г. Мирковичем, в котором религиозно — философский аспект темы раскрывается вполне исчерпывающе. Из современных немногочисленных работ внимание акцентируется на монографии А. П. Богданова, посвященной публицистике последней четверти указанного столетия, в которой раскрывается суть обозначенного вопроса в интересующем пространственно — временном контексте. Без сомнения, ценны для понимания последствий “Спора” разработки Т. В. Панича, анализирующего памятник конца XVII века — “Книгу о пресуществлении” Афанасия Холмогорского — в связи с полемикой “грекофилов” (ортодоксально — московских авторов — богословов) и “латинствующих” (малороссийских “монахов — интеллектуалов”). Документальный материал представлен сборником “Остен” иеродиакона Дамаскина (включающим размышления древнерусского филолога Симеона Полоцкого и его оппонента Епифания Славинецкого).

Статья посвящена следующим малорешенным проблемам: специфике рассмотрения обозначенной проблемы в контексте риторизации культуры России 2-й половины XVII столетия; соотношению полемики “грекофилов” и “латинствующих” вокруг религиозно — философского вопроса Пресуществления.

В статье поставлены такие **задачи**:

1) определить круг литературных памятников, содержащих сведения по указанной проблеме;

2) переосмыслить роль Симеона Полоцкого в решении вопроса о Пресуществлении, который в России “не был, как на Западе, простым, чисто ученым, вполне кабинетным вопросом” [3, с. 9].

3) определить влияние Спора на формирование типов Просвещения в украинско — русском пространстве анализируемого периода.

Материал и результаты исследования воссоздают духовно — философский облик эпохи русско — украинского барокко XVII столетия.

Предложенный анализ позволяет рекомендовать настоящее исследование литературоведам, историкам, культурологам, богословам.

Предметом спора стала деталь обряда, связанная с таинством Евхаристии: в какой момент литургического действия совершается это сокровенное превращение. Древнерусское соборное сознание не позволило бы анализировать церковные таинства, но сознание, уже вкусившее идеи схоластики, воспринимало мельчайшие детали священнодействия как предмет, требующий огромного внимания, расшифровки и кодификации.

С началом богословского изучения славянского чина литургического действия в первые годы XVII века в Украине появляется множество печатных трудов, содержащих соответствующие указания: "Евангелие учительное" Кирилла Транквиллиона (1619 г.), "Мессия" Иоанникия Голятовского (1669 г.), "Выклад о церкви святых и о церковных речах..." Феодосия Сафоновича (1667 г.). Последнее издание способствовало распространению в Москве латинского учения о Пресуществлении. На него, главным образом, опирались московские защитники этого учения, как на книгу, в которой оно изложено вполне ясно, подробно и обстоятельно.

"Феодосий Сафонович, в развитии латинского учения о Пресуществлении, пошел гораздо дальше своих предшественников на литературном поприще. Он надлежащим образом усвоил и формировал в соответствующие схоластические рамки это учение в его чистом латинском духе, решительно отбросив всякую, даже чисто внешнюю, примесь православной точки зрения, чего не позволяли себе или позволяли с робостью его предшественники ... "Выклад" ... представлял собою последнюю ступень в развитии этого учения в юго — западной богословской литературе..." [3, с. 51-52].

Когда же учение о Пресуществлении достигло в Малороссии высшей ступени своего развития, потребовались другая почва, другие условия для его развития, — встреча с противоположным мнением, встреча с лицами, не признающими его как догматическую истину. Следует отметить, что все произведения юго — западных ученых с латинским мнением по данному вопросу принадлежали лицам, получившим образование в Киево—Могилянской Академии или же в заграничных латинских коллегиях (Симеон Полоцкий, например, окончил Виленскую коллегию).

В "Обзоре русской духовной литературы" (Харьков, 1859 г.) засвидетельствовано, что в конце XVII столетия патриархом Иоакимом был издан "Остен, состроенный из Духовещания св. отец, низвергающий, отреяющий и прободающий напирания к нему, то есть выписки из Священного Писания и церковных древних преданий о времени пресуществления евхаристии святых, и розыскание, откуда вошло в Россию неправое папистическое мнение о сем, также о флорентинском соборе, об униатах и западном мнении о происхождении Святаго Духа, о заблуждениях иеромонаха Симеона Полсцкого и единомышленниках его Яне Белободском, монахе Сильвестре Медведеве, монахе Симеоне Долгом ... Вся книга состоит из 26 глав". Однако почти все сочинения по вопросу Пресуществления содержит рукописный сборник "Щит веры" (составитель — Евфимий Чудовский, последователь Епифания Славинецкого).

“Вопрос о моменте пресуществления святых Даров на литургии был во второй половине XVII в., в течение 10—15 лет, не только господствующим, но исключительным вопросом времени; он волновал умы всех, решению его посвящались лучшие умственные силы того времени и порознь и в совокупности. Напряженность в решении его тогдашних великорусских умов ... была крайняя, интерес — всеобщий; для решения его потребовались совокупные силы многих русских архиепископов, потребовался собор”, — отмечает Г. Миркович [3, с. 9]. Этот вопрос был поводом, *“предлогом, орудием, точкой опоры для борьбы двух противоположных начал, двух принципов, двух цивилизаций; это был остановочный пункт на большой дороге исторической жизни русского народа, на котором встретились представители и проводники 2-х противоположных направлений, и, встретившись, не смогли ужиться друг с другом, завязали борьбу на жизнь или на смерть”* [3, с. 10]. По своему предмету он оставался богословским вопросом, но в сущности под ним скрывался другой вопрос, от решения которого зависели строй общественной жизни, перемена взглядов и господствующего направления. Это было столкновение греческого и латинского полюсов.

Возникший на Флорентийском соборе 9 июля 1493 г. богословский спор о времени Пресуществления Святых Даров на литургии впервые заставил греческую и латинскую стороны обратить внимание на различия церковей в этом вопросе, заключающиеся в следующем: *“Римская церковь учит, что освящение хлеба и вина совершается тогда, когда священнодействующий читает молитву, в которой выражается евангельское повествование об учреждении Евхаристии, и освящает дары, произнося слова Иисуса Христа (т. е. примите и едите... и пейте от нея вси...). Молитва призывания Св. Духа на св. Дары в чине римской литургии отсутствует”* [2, с. 194].

Как известно, эпоха правления Алексея Михайловича соотносится с распространением концепции “Москва — Третий Рим”.

Автор “Казанской истории”, сопоставляя историософские модели “Москва — Третий Рим” и “Москва — второй Киев”, где историософема “Киевская Русь” выступает автомоделью, самоописанием Московской Руси, приходит к выводу, что в XVII веке *“две последовательности — “Рим — новый Рим (Царьград) — Москва” и “Киев — Москва” оказываются как бы сращенными друг с другом, вторая “встроена” в первую: Рим — Киев — Москва. Киев... вступает в права “второго Рима”* [5, с. 152].

В результате сохраняется схема преемственности: киевский князь Владимир-Креститель ассоциируется с первым типом Просвещения — Просвещением Ума, московский царь Алексей Михайлович привносит в древнерусское пространство основы Просвещения Рассудка. Симеон Полоцкий определяет их значение следующими словами: *“Блажен есть виноград Российский, имея насадителя Владимира, иже добре веде терние Идол истерзати, добрыя же лозы насадити <...> Всем чадом российским Отец есть святой Владимир, но тебе благочестивейший самодержче, изряднейшим образом Отец есть ... второго ты нам Владимира нащеваш. Аще же и несть тебе имя Владимир, но самым делом Владимир еси: ибо владееши миром от Бога тебе врученным”* [6, “Слово второе, в

день происхождения честнаго и животворящаго креста Господня”].

Несомненно, Симеон Полоцкий творчески осмыслил соприкосновение аскетического подвига и рассудочного делания. Для него последнее не заменило “умное делание”: автор отталкивался от положения, что с помощью ума человек приобретает опыт познания Бога, а с помощью рассудка излагает результаты этого опыта. Симеон убеждал: *“грамота изобретена для существа, мыслию и словом одаренного. В ней заключаются ум и приятные искусства. Просвещение ведет к добродетели, невежество — к злобе”* [8, с. 625].

Однако имя иеромонаха Симеона Полоцкого, выпускника Киево — Могилянской Академии, в данном случае упоминается не только в связи с просветительским движением, ведь, как подчеркивает К. И. Храневич, *“Симеон Полоцкий служил живым и активным отрицанием той косности и неподвижности, в которой застывала московская церковная жизнь”* [9, с. 566].

И. Татарский достаточно подробно описывает ситуацию в Московской Руси во 2-й половине XVII века: *“Не имея возможности, вследствие разных неблагоприятных исторических условий, развить самобытные источники просвещения, Московская Русь получала его от Византии ... в области просвещения ... здесь образовался полный застой, совершенная исключительность, основанная на ревнивом оберегании древних преданий, занесённых сюда из Византии”* [7, с. 1-3]. Когда же в конце XVII столетия греки заявили, что *“всегда ... свет быша Грецы и будут даже до скончания века; и от Грек свет прияша и приемлют вся языки ... вси философы грецы, все богословы грецы; не последующи же сим, несмысленши и непаказанши, и буши, и сего ради речеса и сие: всяк не еллин варвар”* (“Акос” братьев Софрония и Иоанникия Лихудов, №440, л. 34), а “латиняне” им возразили: *“не откуда иному такое в московском царствии в вере православной сотворися разствие, точшо от новых греческих печатных книг, которыя во градех латинския веры и люторския и кальвинская ереси печатаются и с греческими древними рукописьменными книгами не согласуются”* (Монастырский “Известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и о прочем”, рукопись ГИМ, №1325), то византийское влияние оказалось преобладающим в Москве, ибо XVII век становится свидетелем реформы, предполагавшей два мотива: церковное “исправление” и равнение по грекам. В ходе реформы второе оказывается главным, что связано, по наблюдению Н. Ф. Каптерева, с представлением Алексея Михайловича, по мнению которого, русский царь — единственный теперь в целом мире опора и охранитель всего вселенского православия, наследник и продолжатель дела великих и благочестивых древних греческих царей. Это было начало спора идеологического.

Прения по вопросу Пресуществления между Симеоном Полоцким и Епифанием Славинецким в Крестовой палате патриарха Питирима, или “беседа о “неудоборазумеваемых вещей”, продолжили литературно — философско — религиозный спор. Тогда же Епифаний Славинецкий посоветовал иеромонаху Симеону: *“...бегати бо силлогисмов, по святому Василию, повелевается, яко огня, зане силлогисмы, по святому Григорию Богослову, и веры развращение, и тайны источение”* [4, с. 71]. Епифаний свое исключительно православное

мнение о Пресуществлении изложил в переводной книге “Скрижалъ” (1656 г.). Симеон латинское мнение по этому вопросу впервые высказал в “Жезле правления”, а также в книге “Вопросы и ответы катихизическыи о вере христианстей”. В церковно-практическом отношении это учение развито в “Слове о благоговейном стоянии в храме Божиим и слушании божественной литургии”: “... обретаются нещи, иже словесам Христовым..., глаголемым сущим, ниже малаго сотворяют поклона, а пужда есть всячески тогда благодарение Господеви воздати. Ибо кто приседяи или предстояи трапезе царя земнаго, аще от нкго обдарствован будет пищею некою презряднейшею, не абие-ли до лица земли поклояется и благодарствие воссылает; кольми паче при божественной литургии на трапезе царя небснаго присутствующим, вегда им теми словесы Христос Бог самаго себя в пищу отдает и питание..., кольми паче достоин за сие подаяние поклон Господеви благолепный воздати и благодарение от всего усердия приносить. Отсем убо да научатся незнающии смиренно во время тех словес глаголения главы своя Господеви преклоняти” (дл. 262-263). В историографии Симеон часто провозглашается “латинствующим” противником “грекофилов”, но единственными свидетельствами тому служат его принадлежность к ордену базилиан (согласно владельческим записям на книгах), не отвергавших греческую книжность, и заключение о незнании им греческого языка.

Однако Полемика изначально имела несколько уровней. Спор о Пресуществлении, составив первый “слой”, породил миф об угрозе проникновения “яда латинской ереси” не только в сценарий литургии, но и в ценностную систему, еще хранившую древнерусские ориентиры.

Вторая ступень представлена вопросом о языке Просвещения и связана с основанием “еллино — славянских школ” — Славяно — грек — латинской академии. Данный “слой”, сформированный в условиях внутрикультурного дуализма, представляет также размышления по поводу раскола.

В орациях (речах) участников Вселенского церковного собора 1666 — 1667 гг. впервые развернуто обоснована необходимость создания в России государственных училищ, в которых наряду со славянским языком должны были изучаться иностранные языки. Таким образом, потребность в появлении подобного учебного заведения соотносилась с борьбой за единство Церкви. Так, излагая причины раскола, митрополит Газский **Пансий Лигарид**, высокообразованный иерарх, принявший активное участие в деятельности собора, обращается к царю Алексею Михайловичу: “Исках и из корене духовного сего недуга... Напоследок, умом обрацая, обретох из двою истекшее, си жесть: от лишения и неимения народных училищ, такожде от скудости и недостаточества святых книгохранилищ” [1, с. 282-283]. В завершении приводится поэтическое рассуждение о пользе каждого из трех предложенных для изучения языков: греческого, латинского и славянского, а затем о значении библиотек (предположительно, из “Вертограда многоцветного” Симеона Полоцкого: авторская рукопись из Синодального собрания ГИМ №288). Аналогичную мысль высказывал в материалах собора и Симеон Полоцкий, обвиняя старообрядцев в том, что они “на брезу грамматического разума и в мелкости ся утопают”, а беседуя о бого-

словии, "ниже малейшим перстом прикоснулись ей" [1, с. 283]. В итоге показатель-но то, что патриарх Иоаким, избегавший ученой аргументации на практике, в книге "Увет духовный" заявлял, что люди, познавшие грамматику, философию и богословие, не будут "на святые книги порок наводить" (л. 264) [1, с. 284].

Малоизученным остается более глубокий третий "слой", придавший поле-мике политическую остроту, оставивший открытым вечный вопрос: что есть источник Истины: вера или укрепленный наукой разум.

Последнее может составить предмет самостоятельного исследования. В рассмотрении данного вопроса, в воссоздании историко — религиозно — фи-лософского облика эпохи Семнадцатого столетия (что позволит понять послед-ствия культуры цивилизации XVIII — XXI вв.) видится перспективность изу-чения обозначенной темы.

Богословский спор окончился только в 1690 г. церковным собором, осудив-шим ересь, и гонением на малорусских ученых, которые спешили уехать из Москвы. Спустя десятилетие после смерти старца Симеона Полоцкого (1629 — 1680 гг.) его книги были запрещены, а его ученик, келейник, писатель Сильвестр Медведев лишен иноческого сана.

В результате были сделаны нижеследующие **выводы**.

Под влиянием целенаправленного развития России в западном направлении представлялось необходимым создание новой модели мировидения, поэтому над древнерусским богословским критерием теперь значительно преобладало эс-тетическое начало.

Тем не менее, проза Симеона Полоцкого, рассчитанная на ещё не утрачен-ное соборное сознание, сохраняет литургичность и теогоностичность.

Соотношение Православия и Просвещения в творческом методе иеромона-ха, филолога — мыслителя Симеона иллюстрирует сочетание Просвещения ума с Просвещением рассудка в системе ценностей восточноевропейского про-странства анализируемого периода.

Украинско-русское барокко XVII века подготовило переход от аскетического и Евангельского типов благочестия к синодальному XVIII века и формирова-лось под влиянием уставщического и эстетического типов духовной жизни.

Просвещение было необходимо для укрепления Православия в Московской Руси в условиях усиливающейся западной ориентации.

Литература и источники

1. Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII века. — М. : Институт российской истории РАН, 2001. — 492 с.
2. Малиновский Н. П., протоиерей. Очерк православного догматического богословия. В 2 частях. Ч. II. — М.: ПСТБИ, 2003. — 351 с.
3. Миркович Г. О времени пресуществления святых Даров. Спор, бывший в Москве, во второй половине XVII века (Опыт исторического исследования). — Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1886. — 254 с.
4. Остен, памятник русской духовной письменности XVII века. — Казань: университетская типография, 1865. — 208 с.

5. Ранчин А. М. Киевская Русь в русской историософии XIV — XVII вв. (Некоторые наблюдения) // А. М. Ранчин. Статьи о древнерусской литературе. — М.: Диалог — МГУ, 1999. — С. 140-157.
6. Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. — М.: Верхняя типография, 1683.
7. Татарский И. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). — М.: Б. и., 1886. — 342 с.
8. Толстой М. В. Рассказы по истории русской Церкви. — Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991. — 736 с.
9. Храчевич К. И. Симеон Полоцкий // Христианство: БЭС. В 3-х т. Т.2. / Под ред. С. С. Аверинцева. — М.: БРЭ, 1995. — С. 566-576.

Статья поступила в редакцию 4 октября 2004 г.

УДК 821.161.1-32(477.75)

С. О. Курьянов

КРЫМСКИЕ СТРАНИЦЫ М. АРЦЫБАШЕВА СТАТЬЯ ПЕРВАЯ: РАССКАЗ “СТАРАЯ ИСТОРИЯ”

Рассказ “Старая история”, созданный в начале 1910-х годов, несомненно, один из самых удачных рассказов М. Арцыбашева.

Практически обойденный исследователями, он представляет собой любопытное свидетельство чисто арцыбашевского взгляда на мир, авторских интересов и пристрастий. В нем нашли органическую связь идейные установки и художественные принципы писателя. Все это говорит о *новизне* и *актуальности* обращения к данному материалу.

Целью статьи является идейно-художественный анализ рассказа М. Арцыбашева “Старая история”, причем особо подчеркивается роль крымского контекста и своеобразия авторского мироотношения, и в раскрытии внутреннего мира главного героя.

“Старая история” — рассказ о человеческой деградации, медленном, добровольном уходе из жизни. Он близок чеховскому “Ионычу” и в чем-то повторяет его. Но Арцыбашев переводит проблему из социальной в психологическую плоскость, от чего она поворачивается неожиданной стороной и лишает ее однозначности в решении.

Это — история талантливого певца Дмитрия Аркадьевича Перовского, которому прочили карьеру “первого русского баритона” [1, 552]. Но он связал свою судьбу с немолодой женщиной, Лидией Павловной, быстрое увядание которой заставило его кардинально изменить жизнь, уверить “и ее, и себя в мишурности всякой карьеры” [1, 552] и увезти свою “незаметную, коми чную, старающуюся притираниями и фальшивыми зубами продлить неудержимо уходящую молодость” [1, 552], возлюбленную подальше от столичной жизни, на Южный